

НА СЦЕНЕ — ДВОЕ

«Варшавская мелодия» в Томском областном драматическом театре

Все началось со случайной встречи — в ложе концертного зала. Она — полька, студентка Московской консерватории, будущая певица. Он — вчерашний фронтовик, тоже студент, будущий технолог по виноделению. Галя и Виктор подружились. Потом полюбили друг друга. На пути и счастью возникло препятствие — закон, запрещающий браки с иностранцами. Встретились они только через десять лет в Варшаве. С новой силой вспыхнуло в Геле неугасшее чувство. Виктор, умеющий довольствоваться тем, что есть, оборвал этот отчаянный порыв. Еще десять лет — и снова короткая встреча. Внешне благополучная, она оказалась для обоих, особенно для Галины, грустным аккордом в финале жизненной драмы...

По этой фабульной схеме трудно, конечно, себе представить сложность драматической коллизии, написанной Л. Зориным как лирическая драма в двух частях. Зрители же, бывающие на спектакле, ценят в нем главное его достоинство — способность будить мысль и волновать чувства.

Привлекает стилистическая цельность спектакля. Удачно найденный лаконизм декоративного оформления (художник Т. Кошниц) сливается с лапидарностью режиссерских решений (постановка осуществлена Г. Лесниковым под руководством главного режиссера театра Б. Дубанского).

В «Варшавской мелодии» — в пьесе и в спектакле — сделана удачная попытка в глубоких и интимных движениях человеческой души отразить пафос гражданственности, найти отзвуки волнующих современного человека общественных проблем. Герои спектакля часто обращаются и строчкам из поэзии Омара Хайяма. Нам же вспоминаются слова другого великого поэта Востока — Шота Руставели: «Путь любви есть путь по бедам...»

Галя — заслуженная артистка РСФСР Н. Юргенс — пронесла свою любовь к Виктору через годы и расстояния, самоотверженно ломая на этом тернистом пути укоренившиеся в ее душе неверие в жизнь и недоверие к людям. Это был подвиг, не оцененный Виктором.

Говорят, пьеса Зорина по своему складу рационалистична, ее пафос, якобы, скорее апеллирует к разуму, чем к чувствам. Если эта версия в чем-то и достоверна, то Н. Юргенс своей игрой уничтожила ее разрушает. Попробуйте слова, произносимые героиней Юргенс со сцены, обратить снова в буквенные знаки авторского текста, или строки окажутся написанными кровью сердца. Острый, проницательно-насмешливый ум Гали и ее эмоциональная возбудимость сливаются у Н. Юргенс в единый поток актерского темперамента, способного в равной степени волновать и воображение, и душу зрителя. В этом спектакле, как может быть, нигде, обнаруживаешь тонкое мастерство актрисы, умеющей создать на сцене удивительно живой и впечатляющий человеческий характер.

В игре Юргенс много ярких тому примеров. Сошлемся лишь на два эпизода, лежащих, как нам кажется, в русле кульминационных сцен спектакля. Собиравшаяся на новогоднюю вечеринку наряженная Галя увидела заснувшего от усталости Виктора. Мгновенное смятение, горькая досада. Долго и пристально смотрит девушка на спящего, словно испытывая себя и его. И вдруг мы видим влажный блеск Галиных глаз — в них ласка и нежность. Тонкими и едва уловимыми красками игры Н. Юргенс превращает вас во взволнованных свидетелей созревания в душе Гали важного для ее судьбы решения. В эту новогоднюю ночь, размышляя о жизни, Галя говорит Виктору:

— ...Всюду границы, границы... Границы времени, границы пространства, границы государства. Границы наших сил. Только наши надежды не имеют границ.

А когда через многие годы при встрече с Виктором в варшавском эпизоде из второй части спектакля Галена—Юргенс в лирической тоске отчаянно твердит: «Не пушу!», мы понимаем, какой неоплатной ценой измеряла одинокая женщина обманутую надежду. Оказалось, и надежды имеют границы...

«Варшавская мелодия» — это пьеса-дуэт, пьеса-диалог. В этом своеобразие ее сценической формы. Она повествует о двоих — в этом особенность ее содержания. На томской сцене это скорее моноспектакль, в центре событий которого стоит героиня, сопутствующая партнером. Где же гнездится причина столь заметного смещения акцентов? Суть в том, что образ Виктора написан автором менее уверенно и ярко, чем образ Гали. Театр же, через исполнителя роли Виктора Г. Лесникова, усугубил это обстоятельство. Помнится, Жюль Санд заметила, что мужчина, который умно говорит о любви, не очень любит. Галю полюбила Виктор за его немногословие, за то, что Виктор на умеет громко афишировать свои чувства. В этом она увидела щедрое любящее сердце. Г. Лесников в своем замысле правильно видит обаяние образа в его душевной простоте, в органическом превращении Виктора в поэта. Все это в нем сочетается с черточками самоуверенной благополучности, приведшей в конце концов к душевному отступничеству. Однако артист не всегда точен в средствах сценического воплощения, и Виктор Лесникова временами кажется несколько упрощенным, обедненным в своем интеллектуальном масштабе.

Следует указать на другой недостаток спектакля — расплывчатость заключительной сцены, что отразилось на четкости позиции авторов постановки.

Эти погрешности досадны, но они не могут поколебать общее впечатление о «Варшавской мелодии» как об одной из интересных работ нашего театра в текущем сезоне.

В. ЦЕЯТЛИН.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля.